

DOI 10.25991/VRHGA.2023.1.1.022

УДК 1(091)

*Еп. Виктор (В. Ф. Сергеев), К. В. Преображенская**

МЕГАПОЛИС КАК ПРОСТРАНСТВО РИСКА: ДЕСТРУКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И МЕТОДОЛОГИИ ИХ ОПИСАНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье речь идет о необходимости выработки методологии междисциплинарных исследований по современной антропологии, обозначаются методологические и практические аспекты, актуальные для культурно-антропологической парадигмы современности.

Ключевые слова: современность, антропология, человек, гуманитарные технологии, междисциплинарность, риски, мегаполис.

Bishop Victor (V. F. Sergeev), K. V. Preobrazhenskaya

*MEGAPOLIS AS A RISK SPACE: DESTRUCTIVE FACTORS OF PERSONAL IDENTITY
AND METHODOLOGIES FOR THEIR DESCRIPTION AND RESEARCH*

The article deals with the need to develop a methodology for interdisciplinary research in modern anthropology, identifies methodological and practical aspects relevant to the cultural and anthropological paradigm of modernity.

Keywords: modernity, anthropology, human, humanitarian technologies, interdisciplinarity, risks, megapolis.

1.1 Мегполис как квинтэссенция современности.

Человек в пространстве неопределенности

Большие города (мегаполисы) сегодня выступают зеркалом общественных, социокультурных и антропологических процессов. И если в XX веке можно

* Епископ Виктор (Сергеев В. Ф.), Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского; aspirantura@rhga.ru

Преображенская Кира Владиславовна, к. ф. н., ученый секретарь Ученого совета, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского; kira459@list.ru

было говорить о том, что городская (индустриальная) культура и модель социоэкономического взаимодействия приходят в конфликт с традициями и исторически обусловленными ценностями, то ситуация современности открывает новые перспективы: именно мегаполисы концентрируют в себе специфику, богатство и ущербность информационной открытости, жестких векторов успешности, экстремальной и пограничной антропологии.

Пространство мегаполиса открывает широкое поле для реализации смысловых, ценностных и социально-профессиональных интенций человека. Мегаполис дает иллюзию бесконечности вариантов самоактуализации личности, одновременно погружая человека в зоны зависимостей (аддикций) городской жизни и «сетевое» пространства, открывая и самого человека к непредсказуемости собственных психических и ментальных реакций.

Человек как главное действующее лицо и — одновременно — как «материал» социокультурных процессов и созидает, и становится жертвой влияний информационных и экономических факторов. Сложная и многомерная система коммуникаций выступает как своего рода соблазнитель, втягивающий человека в процессы семиотизации и обмена знаками, призванными удостоверить существование Я. Быть замеченным, быть значимым — ключевая потребность современного человека. И здесь информационные потоки лишь расширяют пространство собственных интенций человеческой природы.

Неопределенность и требование задать образ — те полюса, которые слагают состояния неудовлетворенности, тревожности, стремления к идеалам, которые ускользают и трансформируются. Неслучайно З. Бауман для описания социальных и антропологических процессов информационной эпохи использует термин «текущая современность» [9]. Человек как субъект и продукт коммуникаций в нелинейном пространстве мегаполиса — физических и виртуальных — находится в процессе непрерывных трансформаций; человек «скользит» по поверхности, его мышление организовано по принципу «гиперссылки».

Понятие открытости оказывается тесно связанным с глубинными механизмами принуждения, поскольку мир рекламы, социальных манипуляций, групповых идентичностей, предлагая свою «открытость», тем не менее по своему существу оказывается агрессивной точкой притяжения, которой сложно сопротивляться.

Открытость как отсутствие определенности между тем характеризует метафизическое состояние человека. Он примыкает к идентичностям лишь внешне, и, как отмечает З. Бауман («Индивидуализированное общество»), способность стремительно ориентироваться в идентичностях — базовое свойство современного человека.

В интерпретации советского философа Мераба Мамардашвили, современная цивилизация путем отказа от принципов Декарта (человек как источник мысли и действия) и И. Канта (человек как моральное существо) производит «зомби»-ситуации, внешне человекоподобные, лишь имитирующие человечность. «Их продуктом, в отличие от Homo sapiens, т. е. от знающего добро и зло, является «человек странный», «человек неопиcуемый»» [7, с. 107].

В статье «Сознание и цивилизация» (1984) он отмечает:

Из всего множества катастроф, которыми славен и угрожает нам XX век, одной главной и часто скрытой от глаз рассудка является антропологическая катастрофа, выражающаяся совсем не в таких красочных, эффектных явлениях, как предположительный взрыв близкой сверхновой или столкновение Земли с крупным астероидом, и не в драматическом истощении естественных ресурсов Земли или чрезмерном росте народонаселения, и даже не в экологической или «ярче тысячи солнц» ядерной трагедиях. Я имею в виду событие, происходящее с самим человеком и связанное с цивилизацией в том смысле, что нечто жизненно важное может необратимо в нем сломаться в прямой зависимости от разрушения или просто отсутствия цивилизационных основ процесса жизни и общения. А это событие уже идет полным ходом [7, с. 108].

«Антропологическую катастрофу» Мамардашвили описывает через понятие «неопределенности»:

Аномальное знаковое пространство затягивает в себя все, что с ним соприкасается. Человеческое сознание аннигилирует, и, попадая в ситуацию неопределенности, где все перемигивается не то, что двусмысленно, но много-смысленно, аннигилирует и человек: ни мужества, ни чести, ни достоинства, ни трусости, ни бесчестия [7, с. 121].

Между тем «антропологическая катастрофа», смело предсказанная Мамардашвили? в XXI в. осложняется не только утратами личностной идентичности, но и широкими возможностями по восполнению такого рода утраты симулякрами — антропологическими образами, не коренящимися в ценностях человечности и не имеющими реальности в своем фундаменте.

Мегаполисы в наиболее полной мере воплощают модель общества потребления, в котором организация среды (реклама и матрицы «потребительского поведения») становится ценностным «кодексом» и важнейшим фактором косвенного управления поведением, формирования новых видов социальных сетей и субкультур. Можно не только прочертить заметные параллели между визуальностью виртуальных миров интернета и организацией социофизической среды мегаполиса, но и в сетевых свойствах информационных ресурсов увидеть модели «сетей» мегаполиса.

В открытом мире без границ субъект теряет свою субъектность и индивидуальность и подвергается мощным процессам стереотипизации. Проблема субъекта — ключевая для современной антропологии и социологии, о чем писал еще французский социолог Ален Турен в «Возвращении человека действующего» (публикация на русском языке в 1998 г.).

В свое время Джейн Джекобс настаивала на понимании «больших городов» «как организованно-сложных задач» [2]. Не будет метафорой сказать, что город — это фабрика ментальностей, порождающая новые типы общностей и солидарностей, моделей коммуникаций и т. д. В этом контексте важен анализ пространства мегаполиса как пространства сетевых коммуникаций и подвижной событийности, которая отвечает антропологическому запросу. При этом мегаполисный социотекст должен рассматриваться не только как специфически организованная структура и семиосфера, но и как специфическая система связей человека с миром [4, с. 3–18].

Город дает открытые возможности объединения людей в кластеры, субкультуры, группы, социальности и действует как глобальная сеть, в рамках которой происходит непрерывный процесс «обмена», или, используя выражение М. Мосса, «размножение идентификаций». В то же время город и «сети» разъединяют людей и порождают «одиночество в сети», поскольку человек функционирует в семиотическом пространстве с «пустой» в антропологическом смысле семантикой. Это пространство мегаполиса, в котором «люди как бы взаимно аннулируются» [8].

1.2 Нелинейность антропологических процессов современности: поиск методологии описания

В условиях мегаполиса с его нелинейной организацией и логикой происходит разлом традиционных линейных связей с личной, семейно-родовой, этнической и локально-территориальной историей, с традиционными социальными институтами и феноменами. Как отмечает Ален де Бенуа в ряде своих статей, человек быстро входит в различные «фрактальные» типы общественных отношений и через новые солидарности и социальности проходит через ряд «наднациональных идентичностей».

Один из исследователей современности Э. Гидденс настаивает на том, что смена общественной парадигмы от традиционных моделей, связанных с прошлым, к открытости будущему — это один из факторов, повышающих ощущение страха. Российский философ А. А. Грякалов отмечает, что размытость и перманентность рисков и угроз современности формируют особые антропологические состояния:

...общность угрозы, неуверенности и страха есть основной социальный факт общества риска. И характерно, что, во-первых, эта неуверенность не носит конкретного, направленного характера и, во-вторых, это состояние страха и неопределенности образуется «поверх» общества, его институтов и его норм [3, с. 28].

Указанные тенденции, характеризуя в целом жизнь современного общества вне его культурной и цивилизационной принадлежности, наиболее ярко специфицируются в городской среде, в особенности — в жизненном пространстве мегаполиса. Вероятно, эти ощущения связаны с функционированием социальных институтов, эффективность которых призвана обеспечить уверенность и определенность действий человека. Кризис многих институций расширяет пространство неопределенности для человека, который соприкасается с переживаниями многомерных рисков.

Ускоряющийся темп технологических и социальных изменений влечет за собой не только интенсификацию субъективного времени современного человека, возрастание скорости информационных процессов, в которые он вовлечен, но и преобразование топографии его жизни, способов мировосприятия, социальных традиций, характера адаптации человека к жизненной среде. По мере размывания как территориальных границ, так и границ личности меняется социальная стратификация (исчезают сплоченные профессиональные группы и размываются корпоративные интересы в связи с переходом на работу с удаленным доступом и краткосрочные контракты, что формирует

слой «прекариата» — людей с временной занятостью без длительной привязки к той или иной группе и понимания собственной профессиональной принадлежности и долгосрочных целей), активизируются миграционные потоки самого разного вида.

Все это приводит к усилению «подвижности» границ «социального тела» и кризису самоидентичности. В эпицентре происходящих изменений находится мегаполис, поскольку его центральные характеристики — это культурная открытость, поликультурность и поликонфессиональность, взаимопроникновение исторических традиций и инновационных векторов развития, широкий спектр жизненно-стилевых практик и многообразие форм социальных отношений. Жизненное пространство мегаполиса приобретает нелинейный и многомерный характер, интегрирует множество смысловых «подпространств» различных социальных и этнокультурных групп, вступающих между собой в сложные коммуникативные связи и отношения.

Хронотоп современного мегаполиса подвержен множеству влияний, среди которых ведущими становятся глобализационные процессы, порождающие неоднородность, внутреннюю конфликтность и потенциальную открытость границ социокультурной среды, информатизация общества и связанные с ней трансформации социальных коммуникаций, сосуществование различных ценностно-нормативных систем и традиций, интеграция виртуального и реального пространства мегаполиса в едином гибридном пространстве. При этом миграционные процессы привели к дальнейшему усложнению жизненного пространства полиэтничного мегаполиса, в которое включаются самые разные национальные, конфессиональные и этнические культуры. Все это способствует актуализации целого ряда противоречий и вызовов, связанных со стремлением к сохранению этнической самобытности наряду с адаптацией к традициям, нормам и ценностям новой эпохи.

Сегодня житель мегаполиса пребывает в гибридном пространстве, характеризующемся интеграцией физической и виртуальной реальностей. Интерактивное взаимодействие горожанина и виртуальной среды осуществляется в любой момент времени, когда он использует технические устройства, обеспечивающие информационный обмен между людьми, создание и воспроизведение медиаконтекста, что существенно меняет границы интимного и публичного. Такое взаимодействие включает удаленные контексты в его повседневную деятельность, в том числе перемещения по городу, посещение различных мест, решение профессиональных и личных задач, общение с людьми и т. д. Здесь уместно вспомнить активно развивающуюся теорию расширенных, или ситуационных, когниций — «situated cognition» [10].

Основываясь на идеях Л. С. Выготского об опосредованности ментальной активности человека особенностями функционирования социокультурных и дискурсивных практик, ученые выдвигают положение о том, что когнитивный процесс расширяется за пределы тела человека. За его границами когнитивный процесс реализуется посредством созданных человеком социальных и когнитивных орудий (карт, книг, городских указателей, совместных действий и обсуждений и т. п.). В этом плане мегаполис выступает критически важным социокультурным орудием психической деятельности горожанина. Большой

город становится системообразующим началом для человека, определяя его эмоциональное восприятие, смысловые установки, отношение к жизни в целом, что определяет возрастающую потребность современной антропологии в исследовании проблем взаимодействия человека и жизненной среды мегаполиса.

Меняются как модели поведения, так и восприятие этих моделей, идея телесной и ментальной вариативности стремительно укореняется в обществе. Мегаполис сегодня — это бесконечное пространство возможностей, с одной стороны, и эпицентр дистресса — с другой. По этой причине одной из центральных социокультурных, психологических и педагогических задач должно стать формирование новых механизмов адаптации/гармонизации физического и социального в личности современного жителя мегаполиса.

Проблематика мегаполиса может стать объектом продуктивных исследований лишь в качестве целого, системы, и, соответственно, современная наука стоит перед необходимостью выработки подходов, с позиций которых мегаполис рассматривался бы как сложноорганизованный *социотекст* (мегатекст), базирующийся на многомерном взаимодействии различных моделей коммуникации и информационных потоков, развернутых в социофизическом пространстве большой исторической глубины.

В этом отношении были продуктивны междисциплинарные исследования городской и коммуникативной проблематики Т. М. Дридзе [5, с. 131–138; 6, с. 145–151] и то направление, которое разрабатывалось Г. И. Богоином [1], одним из классиков отечественной герменевтики.

Обозначенные процессы обусловлены несколькими специфическими факторами, среди которых, наряду с глобализационными механизмами, проявляют себя свойства нелинейных миров и логик. Запрос на антропологический анализ городской жизни актуализирован как раз процессом интенсивного порождения нелинейности городского мира, который, в свою очередь, производит конфликты и антропологические кризисы. Нам представляется, что понятия линейности и нелинейности, рожденные в недрах механики, физики, математики (линейные и нелинейные дифференциальные уравнения), могут быть продуктивными в качестве междисциплинарных исследовательских установок в понимании отношений человека и мегаполиса.

Комбинации линейности и нелинейности определяют специфику современности и человека в мире. Сегодня эти понятия начинают проникать в различные дисциплинарные и междисциплинарные сферы в качестве языка описания, с одной стороны, и, с другой стороны, в качестве моделей с определенными свойствами, позволяющими описать гуманитарные явления и процессы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богин Г. И. Читать город как читают книгу // Шадринская старина. — Вып. 6. — Шадринск, 1998.
2. Бодрийяр Ж. Город и ненависть. Лекция, прочитанная в Москве во Французском Университетском Колледже при МГУ им. М. В. Ломоносова. — URL: www.ruthenia.ru/logos/number (дата обращения: 12.09.2022).

3. Грякалов А. А. Контекст глобализации и философия события // Глобализация: Pro et contra. — СПб.: Астерион, 2006.
4. Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов. — М., 2011.
5. Дридзе Т. М. Человек и городская среда в прогнозном социальном проектировании // Общественные науки и современность. — 1994. — № 1. — С. 131–138.
6. Дридзе Т. М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // Общественные науки и современность. — 1996. — № 3. — С. 145–155.
7. Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация // Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. — М.: Издательская группа «Прогресс»; «Культура», 1992. — С. 107–121.
8. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / Сост., пер. с фр., предисловие, вступит. ст., комм. А. Б. Гофмана. — М.: КДУ, 2011. — 416 с.
9. Bauman Z. The Individualized Society. — Cambridge: Polity Press, 2001
10. Dennett Daniel C. Consciousness Explained. — Harmondsworth, England: Penguin, 1991.